Марта Сокол

Обещанная духу зимы

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С59

Оформление обложки *Caramel Witch*

Художественное оформление *Алена Шорохова*

Сокол, Марта.

С59 Обещанная духу Зимы / Марта Сокол. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Румперия. Дыхание магии).

ISBN 978-5-04-235617-9

Тридевятое царство замерзает из-за обмана одной смертной, а расплачиваться приходится другой. Дарнава, потерявшая семью, отдана в услужение суровому Морендару, Хранителю Зимы. В деревнях его зовут Морозко и верят: лишь он способен удержать мертвецов за гранью Яви, пока спит природа.

Но служба в ледяном тереме смертельно опасна. Украденный поцелуй обратил прежнюю помощницу Хозяина Зимы в лед, а его самого злое колдовство сделало бездушной метелью.

Теперь Дарнаве предстоит усмирить бушующую стихию и вернуть Морозко человеческий облик. Но готова ли она к тому, что на этом пути придется отыскать пропавших родных, спасать свою любовь к Морендару от гнева самих богов и наконец разгадать, почему смертоносные чары холода пощадили именно ее?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235617-9

© Марта Сокол, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Часть 1

Гостья

Пролог. Тепло ли тебе, девица?

Я опаздываю. Конечно же, опаздываю — куда без этого в последний день года?

Выбегаю из офиса, на ходу натягивая шарф, и несусь к метро. До электрички двадцать минут, если повезет. А я обещала Лене быть у нее к десяти вечера, чтобы поздравить Мишку и Соню до того, как они уснут. Дети ждут подарков, а я их единственная тетя. Почти родная.

Площадь перед станцией встречает меня праздничной суетой.

Боже, как же здесь шумно! Везде толпы, смех, музыка. Кто-то поет «В лесу родилась елочка». Пахнет глинтвейном и выпечкой. Между рядами ярмарочных домиков снуют люди с пакетами. Дети визжат, взрослые галдят. Повсюду мигают гирлянды — красные, синие, золотые.

Я кутаюсь в шарф плотнее. Мороз щиплет щеки, но как-то приятно.

Продираюсь сквозь толпу, лавирую между декорациями — вот избушка с пряниками, вот ледяная горка, вот огромная ель... И вдруг останавливаюсь.

Родители бы это оценили.

Мысль приходит сама собой, и сердце болезненно сжимается. Полгода прошло с той аварии. Полгода, как я стала наследницей с большой, но пустой квартирой. Тети и дяди разбросаны по городам, у всех свои семьи. Новый год — это же семейный праздник, правда? Но что толку в деньгах, когда его не с кем встретить...

— Ой!

Я едва не врезаюсь во что-то большое и мохнатое прямо посреди прохода.

— А это что такое? — бормочу, отступая на шаг.

Присматриваюсь. Это... избушка? Настоящая деревянная избушка на курьих ножках! Вернее, конечно, не настоящая. Из-под бутафорского домика торчат человеческие ноги в полосатых гетрах, замаскированные под куриные лапки. Кто-то из актеров ярмарки, судя по всему.

Я невольно усмехаюсь. Первый раз за весь день.

— Ну-ка, избушка на курьих ножках, — говорю я громче, подыгрывая, — встань ко мне передом, а к лесу задом!

Избушка послушно поворачивается. В окошке появляется лицо — старая бабушка в платке, нос крючком, бородавка нарисована. Классическая Баба Яга. Актриса смеется, и морщинки у ее глаз становятся глубже.

— Все-то ты, красна девица, знаешь, — каркает она. — Говори, зачем пожаловала?

Я смотрю на часы. Черт. Девять минут до отправления электрички. Но бабушка так старается, так вжилась в роль — грех не подыграть.

Кланяюсь в пояс, стараясь говорить торжественно:

— Мне бы, бабушка, добраться вовремя туда, где меня ждут.

Показываю на часы и добавляю уже обычным голосом:

— Электричка уже на перроне.

Баба Яга цыкает, качает головой.

— Погоди, погоди, — бормочет она, — снаряжу тебя, девица.

«Неужели путеводным яблочком?» — думаю я, сдерживая смешок.

Но актриса лезет в недра своей бутафорской избушки и достает... открытку. Обычную новогоднюю открытку.

— Вот, — протягивает она мне, — поздравишь деток с Новым годом.

Я хватаю карточку, бормочу «спасибо» — избушка отползает в сторону, освобождая проход, и я бегу дальше.

Окна электрички сияют впереди как новогодние огоньки. Успею!

И вдруг ловлю себя на странной мысли. Я... улыбаюсь. Последние полгода думала только о потере, боли, одиночестве. А сейчас, посреди этого новогоднего безумия, с морозом, щиплющим нос, с запахом хвои и корицы в воздухе, с этой смешной Бабой Ягой... Кажется, я готова. Готова отпустить горе. Готова продолжить жить.

Взбегаю по ступенькам на перрон и оборачиваюсь. Площадь внизу сияет огнями. Актеры, избушки, смех, музыка... Интересно, там есть еще кто-то, кроме Бабы Яги? Кощей, может? Или Снегурочка?

Гудок электрички прерывает мысли.

Я бросаюсь к дверям, впрыгиваю в вагон в последний момент. Занимаю свободное место у окна и наконец выдыхаю, вытягивая ноги и расслабляясь.

И тут замечаю — в вагоне холодно. Непривычно холодно.

Лезу в сумку за варежками, которые забыла надеть перед выходом из офиса. На пол выскальзывает та самая открытка. Я поднимаю ее, рассматриваю при свете вагонной лампы — и застываю.

Это... необычная открытка.

Да, на ней изображен Дед Мороз, как и на многих других новогодних карточках. Но этот чародей не тот добродуш-

ный дедушка с белой бородой, к которому мы привыкли. Это мужчина. Молодой, статный, красивый — даже очень красивый. Он одет в роскошную древнерусскую шубу, расшитую серебром. Длинные белые волосы струятся по плечам. Глаза... Его глаза смотрят прямо на меня. Холодные. Властные. Немного пугающие.

От картинки будто веет настоящим морозом.

«Качественная стилизация, — думаю я, улыбаясь. — Молодцы организаторы».

Электричка трогается, и в вагоне вдруг становится еще холоднее. Окна покрываются узорами инея — как в детстве, когда центрального отопления не хватало.

«Сломалась печка, наверное», — предполагаю я, запахиваясь в шубу плотнее.

Прикладываюсь лбом к ледяному стеклу. За окном проплывают дома, украшенные гирляндами. Огни. Праздник. Где-то там люди встречают Новый год с семьями.

Электричка выезжает на мост. Колеса стучат по рельсам — громче, ритмичнее. Железные опоры отражают звук, и он складывается в какую-то мелодию. Монотонную. Убаюкивающую.

Глаза начинают слипаться.

И вдруг прямо над ухом раздается голос. Низкий. Холодный. Насмешливый:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Резко распахиваю глаза.

Я больше не в электричке.

Стою посреди заснеженной улицы. Ночной. Тихой. Будто вымершей. Вокруг — избы. Вдалеке за ними видно реку. Оглядываюсь: дома вокруг меня деревянные, с резными ставнями и соломенными крышами. При входе висит лапник, украшенный красными лентами. Снег по щиколотку.

Мороз щиплет щеки так, что кажется — вот-вот кожа треснет.

— Где я?.. — Оглядываюсь по сторонам.

И тут слышу хор голосов: детские и взрослые. Они накладываются друг на друга, сплетаются в древнюю мелодию.

Из темноты появляется огонек. Потом второй. Я понимаю, что это факелы. Следом появляются низкие и высокие, тонкие и полные силуэты.

Приближаются.

И вдруг я наконец четко слышу слова:

— Ой, коляда, коляда-а-а… Открывайте ворота-а-а…

Огонь озаряет фигуры — и я замираю.

Передо мной толпа в звериных масках. Волки, медведи, козлы, птицы с длинными деревянными клювами. Мужики в тяжелых тулупах, женщины в старинных сарафанах, дети в масках с прорезями для глаз. Кто-то несет колесо, увитое соломой.

— Коляда-а-а… — тянут они, подходя ближе. — Хозяюшка, открывай… да угощай…

Они окружают меня со всех сторон.

— Э-э-э… — Поднимаю руки, пятясь назад. — Я не хозяйка. Я… я вообще не знаю, как сюда попала.

Толпа отвечает смехом.

Один из колядующих — с маской медведя — выступает вперед. На нем тулуп до пят, на плечах снег.

— Не отсюда, говоришь? — Его голос низкий, грудной. — Из лесу вышла, что ли? Али с того света? Али тебе Мороз-батюшка тропку указал?

Я открываю рот — и не знаю, что сказать.

Колядующие переглядываются. Маски поворачиваются друг к другу, факелы в их руках покачиваются.

Я отступаю на шаг — и вдруг нога проваливается в сугроб. Теряю равновесие и падаю назад, в снег, — там мягко, но холодно, так холодно, что дух перехватывает. Снег набивается за шиворот, под шубу. Мороз трескучий — градусов

тридцать, не меньше. За эти несколько минут я уже продрогла до костей.

Задираю голову — и вижу небо.

Оно темно-синее, почти черное, какое бывает только в сильный мороз. И такое, какое бывает вдали от городов с их засветкой. Звезды сияют так ярко, что кажется — протяни руку, и достанешь. Из печных труб к небу прямыми столбами поднимается дым, застывая в морозном воздухе.

А где-то вдали с другого берега реки слышен лай собак.

Я приподнимаюсь и резко поворачиваю голову.

Вот замерзшая, белая река. А за ней должны быть дома. Я знаю эти места. Сотню раз проезжала здесь на электричке. К Лене. К детям. Только… здесь должен быть железнодорожный мост, по которому ходит электричка.

А моста теперь нет. И знакомых домов нет.

За рекой сейчас только лес и темнота.

— Как же это так? — шепчу я, и голос дрожит.

Один из колядующих наклоняется ко мне. Факел освещает мое лицо. Мужчина внимательно рассматривает мою современную шубу, сапоги, шарф.

— А не наша девка-то! — вдруг начинает голосить какая-то баба, отступая. — Оборотница!

— Нечистая! — тут же вторит другая.

— Духами послана! — басит кто-то издалека.

И тут перед толпой появляется молодой парень без маски. Лет двадцати пяти, может, чуть меньше. Лицо обветренное, скулы резкие, взгляд твердый. Одет в длинный тулуп, шапка-ушанка сбита набок.

Он протягивает мне руку — и оборачивается к толпе:

— Ладно вам! — голос звучит спокойно. — Еще одна потеряшка.

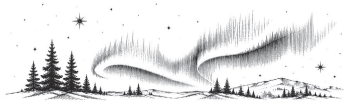
Зыркает на баб и те отводят взгляды.

— Иван, ты чего? — недовольно бубнит кто-то из мужиков.

— То-то и оно, что не наша, — отрезает парень. — Значит, волшебная гостья. А таких обижать грех. Или забыл?

Толпа недовольно гудит, но отступает. Парень смотрит на меня сверху вниз — и усмехается:

— Ну что, странница? Вставать будешь, али до утра в сугробе сидеть собралась?



Глава 1. Колядки

Я протягиваю руку. Иван хватает меня крепко — и с такой легкостью вытаскивает из сугроба, будто я пушинка. Быстро отряхивает снег с моего рукава.

— Пошли, покажу тебя старосте, — говорит он коротко.

— Зачем? — начинаю я, но он уже поворачивается и тянет меня следом.

Толпа колядующих расступается, но не расходится. Я оглядываюсь по сторонам, пытаясь понять, что происходит.

Меня окружает настоящая русская деревня. Кругом избы, окна в которых маленькие, украшенные резными ставнями. Крыши низкие, припорошенные снегом. Дым идет из труб. Кругом тишина — только слышен лай собак вдали.

Глаз цепляется за то, что вокруг нет ничего современного: ни фонарей, ни антенн на домах, ни припаркованных во дворах машин.

«Это сон, — пытаюсь убедить себя. — Просто уснула в электричке. Сейчас проснусь».

Но все вокруг ощущается таким настоящим: рука Ивана на моем запястье, щиплющий щеки мороз. И я понимаю, что мне страшно.

Мы подходим к самому большому дому на улице. Он выглядит крепче, основательнее других. Одноэтажный, высокий, с большими сенями. Двор просторный — там уместились сарай, конюшня, огромная поленница у стены. Ворота с резной перекладиной.

На порог выходит мужчина — я видела, как какой-то мальчишка отделился от толпы и умчался вперед — видимо, предупредил его. Староста — человек лет пятидесяти, может, чуть больше. Борода у него седая, аккуратно подстриженная. Одет в тулуп и валенки.

Он чинно поднимает голову и бросает взгляд на колядующих. Потом — на меня. Глаза у него светлые, а смотрит он цепко, оценивающе.

Он долго разглядывает мою шубу, сапоги, лицо.

Я невольно сжимаю кулаки, волнуясь все больше.

— Забрела она к нам, видать, с другого берега. Да не беда. К ведунье ее ведите, — произносит староста наконец.

— К Агафье? — переспрашивает кто-то неуверенно.

— К ней, — кивает староста. — Она поглядит и скажет, что к чему.

Иван легко, но настойчиво подталкивает меня в спину. Я иду следом. За нами — еще несколько человек из колядующих.

Сворачиваем с главной улицы на узкую тропинку, которая ведет к краю села. И вдруг я чувствую — становится тише. Вьюга, что мела все время, внезапно стихает. Снег начинает падать ровно и медленно, словно в замедленной съемке.

Впереди показывается маленький низкий дом. Он стоит чуть в стороне от остальных изб, у самого леса. Крыша широкая, покатая, припорошенная снегом. Окна маленькие, на наличниках вырезаны птицы, солнце, обережные узоры.

Мы останавливаемся у ворот. Успеваю заметить, как в окошке мелькает чье-то лицо.

И вдруг — что-то касается моего плеча.

Вздрагиваю, оборачиваюсь — и вижу черно-белую сороку с умными блестящими глазами. Они сидит на моем плече так привычно, будто всегда была моей ручной птицей. Затем наклоняет голову набок, рассматривая меня.

— Что… — начинаю я.

И в этот момент дверь дома открывается.

На пороге стоит женщина. Видимо, это и есть Агафья.

Она немолодая — лет шестидесяти, может, больше. Одетая в длинный темный сарафан, в платке, повязанном узлом под подбородком. Ее лицо в глубоких морщинах, но глаза… Глаза светлые, ясные.

Похоже, это ее я видела в окне.

Сорока на моем плече резко вспархивает, оглашая все вокруг громкими хлопками крыльев, взмывает вверх и тонет в темном небе.

Агафья делает шаг ко мне, долго, внимательно рассматривает лицо. А потом говорит тихим, но твердым голосом:

— Не по своей воле ты пришла с другого берега. Но и не по худой. Хозяином ты отмечена.

Сердце подпрыгивает. А люди за моей спиной с облегчением выдыхают и издают радостные возгласы.

— Ну теперь перестанет серчать Морозко! — шепчет кто-то позади.

Агафья усмехается, чуть-чуть приподнимая уголки губ.

— Войди, — говорит она просто. — Поговорим. — И отступает в дом, приглашая меня за собой.

Переступаю порог, и меня накрывает волной тепла.

Света почти нет, только лампадка мерцает в красном углу и две вставленные в глиняные подсвечники толстые свечи горят на столе. Печь огромная, беленая, штукатурка пошла трещинками. На огне шипит чугунок — в избе пахнет

травами и медом. На боковой полке разложены пучки сушеных растений: зверобой, мята, что-то еще. У печи — ухват, кочерга, кадка с водой. Лавки вдоль стен темные от времени.

За спиной слышу, как Агафья тихо переговаривается с Иваном. Слов не разобрать — они говорят вполголоса. Хочу обернуться, понять, о чем речь, но не успеваю: дверь захлопывается.

Я вздрагиваю. Агафья неторопливо проходит мимо меня, садится на лавку у стола, кивает на место напротив:

— Устраивайся поудобнее. Как звать-то тебя?

— Даша… Скажите, что значит «потеряшка»?

Агафья вздыхает.

— Рассердился на нас Морозко, — говорит она просто, как о погоде. — Грань истончилась, и ты к нам пришла.

— К вам — это куда?

— В Тридевятое царство, — отвечает Агафья спокойно. — Место, где традиции живут. Где все так, как было и будет.

И вдруг из самой глубины памяти всплывает что-то, о чем я читала когда-то давно. В славянской мифологии мертвые жили по ту сторону реки. По ту сторону.

Уж не напросилась ли я на тот свет, постоянно вспоминая родителей?

— Я… я умерла? — шепчу.

Агафья качает головой.

— Нет, девица. Живая ты. И мы живые. — Ее взгляд вдруг становится глубоким, задумчивым. — Вечно Тридевятое царство жить будет, пока на Руси хоть один человек помнит сказки.

Потом Агафья начинает улыбаться.

— Не бойся! Все хорошо будет. Ты поможешь нам помириться с Морозко. Ты ведь его гостьюшка.

Морозко. Уже второй раз она упоминает это имя.

На заднем плане что-то грохает. Я вздрагиваю, оборачиваюсь.